

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Линь Гуаньцюн
на тему:

«Этноментальность как предмет изображения в художественной прозе
русской эмиграции (Харбин, 1920-е–1930-е годы)»
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

В 2016 году была издана монография А.А.Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина». Уже само заглавие этой книги подсказывает, что ее ключевая тема является смежной с той проблематикой, которая поднимается в рассматриваемой диссертации. Однако Линь Гуаньцюн сворачивает с магистрали, проложенной в указанной монографии, и идет своей оригинальной дорогой. Объектом работы является не ментальность человека дальневосточного фронта, а китайская этноментальность, отраженная в инокультурном сознании. Таким образом, в диссертации предлагается неожиданный и новый взгляд на литературу эмиграции; более того, заявленный ракурс представляется, несомненно, релевантным самому материалу, так как ситуация встречи разных культур провоцирует их взаимотрансформацию и взаимоотражение.

И в этом смысле выбор объекта исследования – литература эмиграции – обоснован. Именно эмигрантская литература заключает в себе внешний взгляд, взгляд наблюдателя, на чужую этноментальную парадигму. Такой ракурс позволяет выявить не только особенности самой *«воспринимаемой» культуры*, но и специфику культурного кода *реципиента*. Думается, что этот подспудный конфликт и является нервом диссертации, где чрезвычайно убедительно доказано, что полнота репрезентации китайской культуры напрямую зависит от положения писателя в культурно-литературном поле.

Композиция работы обусловлена ее общим замыслом: диссертантка движется от общих вопросов, касающихся исследования китайского образа

мира в художественном восприятии русских писателей в целом, к частной проблематике – к исследованию преломления мирообраза в отдельных поэтиках.

В **первой главе** диссертации осмысляется теоретический аппарат работы и обосновывается выбор ее объекта. Понятие этноментальности, трактуемое с общефилософской и культурологической позиций, сопрягается в диссертации с понятием дальневосточного фронта. Идея фронта в работе несет серьёзную концептуальную нагрузку, так как в фокусе исследовательского внимания оказывается самая настоящая фронтальная ситуация – ситуация порубежья, встречи двух культур.

Обращаясь к идеям Льва Гумилева о разных типах взаимодействия культур, Линь Гуаньцун приходит к выводу о том, что формой взаимодействия русской и китайской культур по линии мировоззренческого и географического фронта становится не химерическая конструкция, знаменующая вырождение культур, но симбиоз, предполагающий органичное взаимодействие разных парадигм. И весь последующий ход диссертации, и ее основные выводы эту гипотезу подтвердили.

Диссертантка показывает многомерность и многоликость Китая, представленного в русской и советской литературе. Так, Китай в произведениях Вс. Иванова, Платонова, Булгакова, Маяковского как будто отражается в разных мировоззренческих зеркалах: кому-то интересен революционный Китай, для кого-то важна загадочность и непроницаемость китайского менталитета, кто-то обращает внимание на эстетический компонент китайской культуры...

Такая многоаспектность Китая в его рецепции советской литературой уже свидетельствует о плодотворности культурного макродиалога, однако, как показывает Линь Гуаньцун, гораздо более полно этот диалог культур представлен в эмигрантской литературе, где при оценке инокультурных реалий отсутствует европоцентризм, столь характерный для литературы метрополии.

Центром внимания **второй главы** становится этнографическая проза П.В. Шкуркина. Архитектонику главы определяет жанровый подход. Ключевой идеей относительно прозы писателя становится мысль о ее двойственности: рассказы Шкуркина соотносятся одновременно с этнографическим и художественным кодами, которые соответственно связываются с жанрами очерка и рассказа. От рассказа, как убедительно доказано в диссертации, в прозе Шкуркина – художественный вымысел, композиционная, мотивно-образная и повествовательная структуры; от этнографического очерка – точность в деталях. При этом, как справедливо утверждает исследовательница, этнографический компонент, сложно соединяясь с художественным, доминирует.

Нам кажется, что основные находки этой главы связываются с раскрытием именно этнографического плана повествования, который мотивирует саму нарративную технику. Речь в рассказах Шкуркина ведется от первого лица, в статусе которого выступает офицер, собирающий материалы о культуре. Если воспользоваться этнографической терминологией, такой рассказчик является включенным наблюдателем, что обуславливает общую нейтральность и безоценочность повествования. Однако повествователь – это всего лишь регистратор, по-настоящему, в полном объеме, этноментальность раскрывается через описания материальной, духовной культуры и самих героев.

По степени значимости в аспекте раскрытия темы на первый план выдвинуты несомненно образы персонажей (хунхузы и игроки в соответствующих циклах) – и это совершенно справедливо, так как именно человек в своей психосоциальной целостности оказывается первичным носителем национального менталитета. Регистрируя особенности поведения своих герой, часто давая им слово самим, автор ненавязчиво выводит читателя в сферу китайской ментальности, которая в его рассказах раскрывается не через комментирование, но через сюжет и саму систему образов.

Если материальная культура в прозе Шкуркина предстает как комплекс подробностей быта, то духовная проявляется, во-первых, в китайских религиозных традициях, во-вторых – в языке. На последнем пункте остановлюсь отдельно. В рассказах писателя часто возникают элементы пиджина. В монографии Забияко тема пиджина уже звучала, но она была только лишь намечена. Здесь же пиджин анализируется подробно, с лингвистических позиций: выделяются его разновидности и описываются социально-исторические условия их возникновения. Исследовательница создаёт словарь пиджина (используя как лингвистические словари, так и собственный языковой опыт) и предлагает расшифровку наиболее часто встречающихся выражений. Так, очень подробно анализируются обозначения русских в китайском контексте с опорой на китайские исследования – в целом этот фрагмент работы имеет самостоятельную научную значимость.

Третья глава диссертации посвящена прозе Б.М.Юльского, где фронтирная ментальность отражается в мифопоэтическом ракурсе. Предметом анализа становятся мифологические образы, которые, как доказательно утверждает автор работы, укоренены в китайской культуре.

Изучение мифообразов в главе сопрягается с анализом функций вещей и сюжетов, соотнесенных с ключевыми мифологическими символами (сюжет крысы, сюжет дракона и сюжет лисицы). На этом пути Линь Гуаньцзюн конструирует алгоритм исследования мифологических образов, который применяется в каждом из трех параграфов. Так ключевой зооморфный символ вначале проецируется в разные культурные пространства (как правило, это китайские, западно-европейские и русские культурные традиции), затем диссертантка показывает, как эти традиции взаимодействуют в том или ином рассказе, определяет доминирующую традицию и выявляет трансформации указанных культурных пластов в рамках семантики анализируемого образа.

Общий вывод, к которому приходит исследовательница при анализе метаморфоз зооморфных символов, заключается в том, что почти во всех случаях для Юльского первичной оказывается именно китайская

интерпретация символики (за исключением образа дракона, в котором смешиваются русские и китайские коннотации). Эта китайская семантика, как утверждает диссертантка, реализуется как на уровне целостной композиции, так и на уровне сюжета.

Так, двойственность дракона в рассказе «Путь дракона» мотивирует образ амбивалентного пространства и амбивалентного героя, что приводит взаимопроницаемости «факта и легенды», где граница между жизнеподобием и мифом, как и положено в прозе магического реализма, – стирается. В рассказе «След лисицы» ключевой образ обуславливает не столько композицию в целом, сколько сам сюжет. Исследовательница показывает, что событийный алгоритм рассказа воспроизводит метасюжет оборотня-лисы (вплоть до периферийных деталей).

Описания мифологических нарративов в главе дополняются описанием обрядовых мотивов и разнообразных примет. Однако не только фольклор и этнография интересуют Линь Гуаньцзун; предлагая содержательную интерпретацию рассказов Юльского, исследовательница обращается и к литературным контекстам, которые скрупулезно описаны в главе. Так, например, для рассказа «Возвращение госпожи Цай» в качестве гипотетического претекста выступает проза Пу Сунлина.

В некоторых случаях анализ мифологических образов, как кажется, выходит за пределы заявленной темы. Так чрезвычайно подробно анализируется образ дракона в русской и китайской литературе, доказывается, что русские и советские писатели обращались к китайской интерпретации этого мифологического образа, изучаются его разновидности – в целом возникает ощущение, что в главу как будто включено маленькое, но при этом предельно концентрированное исследование о «драконьем тексте» в отечественной литературной традиции.

Такие экскурсы в смежные области являются отличительной чертой этой диссертации, сам текст которой кажется чрезвычайно информационно насыщенным. И здесь мы не можем не отметить содержательную ценность

примечаний, иногда довольно обширных. Однако в некоторых случаях возникает ощущение, что материал этих примечаний, как будто бы «вырывается» в основной текст работы, нарушая ее ключевые тематические линии (анализы произведений Мамлеева и Пелевина с проекцией на китайский текст оборотня имеют лишь косвенное отношение к литературе эмиграции). Тем менее такой многомерный подход к символике позволяет выявить как архетипическое значение этих образов, так специфические смыслы, детерминированные той или иной культурной традицией.

Четвертая глава работы посвящена прозе Н.А. Байкова. В этой главе речь идет не столько о культуре, сколько о природе – о дальневосточной тайге со всеми ее обитателями, которая предстает как антропоморфный персонаж. Однако за натуралистическими описаниями исследовательница обнаруживает структуры этнического мифа, который проявляет себя как в системе образов, так и в самой конструкции сюжета.

Несмотря на общий высокий уровень диссертации мы бы хотели высказать замечание частного характера. В диссертации, несомненно, представлен обширный материал китайской культуры в ее рецепции писателями русской эмиграции. Однако, нам кажется, что этому фактическому материалу не хватает теоретического обоснования. В этой связи хотелось бы, чтобы понятия этноментальности, фронта, межкультурной коммуникации были рассмотрены в более широкой теоретической перспективе, тем более что в настоящее время эта тема активно исследуется. В этой связи удивляет отсутствие в диссертации ссылок на работы, которые полностью соответствуют ее духу – речь идет о работах Ю.М. Лотмана, посвященных диалогу культур.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература» (по

филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Содержание автореферата соответствует положениям и выводам диссертации. Они изложены в шести статьях; пять из них опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в докладах на международных конференциях (2019–2021).

Таким образом, соискатель Линь Гуаньцун заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Официальный оппонент
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики
ОЧУ ВО «Институт международного права и экономики имени А.С.Грибоедова»

ТЕМИРШИНА Олеся Равильевна

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 673-73-71, e-mail: E-mail: impe.griboedova@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.01 – «Русская литература»

Адрес места работы:

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21

ОЧУ ВО «Институт международного права и экономики имени А.С.Грибоедова»,
факультет журналистики, кафедра истории журналистики и литературы,
тел.: +7 (495) 673-73-71, e-mail: E-mail: impe.griboedova@mail.ru

